

“Мы переживаем экстренное прощание с иллюзиями”

Вероника Долина — Газете

Вероника Долина в ближайшие дни даст сразу два концерта на столичных площадках — в пятницу, 19 декабря, она выйдет на сцену театра «Школа современной пьесы», а 27 декабря — на сцену Политехнического музея. С одной из самых музыкальных поэтесс России накануне выступлений пообщался Антон Помещиков.

Почему вами выбрана именно «Школа современной пьесы»?

Они открылись знаменитым спектаклем «А чой-то ты во фраке?» на музыку Сергея Никитина и стихи Дмитрия Сухарева и тем самым отметили свое равнодушие к поэзии, и впоследствии много раз присягали поэзии с немаленькой буквы. Там проходили лет, наверное, пять последних при жизни вчерашнего Булата Шалвовича, там проходили вечера Зиновия Ефимовича Гердта до его последней черты, там проходят поэтические вечера Стиккея и по сей день и вечер имени Окуджавы в мае проходит тоже. Там поют Елена Камбурова и Сергей Никитин — те, кто служит поэзии очень давно, возможно, от рождения.

Каким людям стоит побывать на вашем концерте?

Людям со слухом, живой душой, с неутоленным сердцем (люблю я это слово — неутоленность), с неокончательно, быть может, чокнуто-жизнерадостным выражением лица, — каждый имеет право на полтора часа моих скромных стихов и абсолютно мое доверительное отношение. Таких людей не так мало.

Значит ли это, что вы чувствуете себя не сколько неуютно в наше время?

Да, даже без оговорок. Без уменьшительной степени.

Что вам внушает дискомфорт?

Последние четыре года. Колоссальное нарастание фальши во всем. Скажу в чем. Огромная двойственность. А я, как на грех, довольно прямодушна. Происходит невероятное исчезновение сколь-нибудь интеллектуальных людей под несметным саранчоподобным числом людей серых. Причем в гамме от светло-дымчатого, воздушно-серого до грустнейшего, близкого к темному антрациту.

Вы говорите о том, что происходит...

Я говорю о человеке моего возраста с родст-

венными профессиями. И близкой внутренней интонацией.

Вы имеете в виду серость в ком?

Во-первых, это абсолютно видно в нашем практически-физическо-будничном мире. Если небожительствовать, случается это с людьми моего года рождения, то можно не замечать неслыханного огрубения охранников, попытаться не заметить невероятной простоты нравов гардеробщиков (я имею в виду людей не хрупкого старческого возраста, а здоровеннейших мужчин). Каждый крик сделан из деревянного каменным. Всякий работающий в лакейской должности (как это испокон веков называлось) разговаривает с неслыханной интонацией. И это достижение последних лет.

Что же у нас есть еще интересенького среди серости и фальши? Например, серый актер, серый вплоть до окончателной мимики под неживой предмет, перекрывает собой сколь-нибудь яркого...

Следует ли из этого, что поколение ваше создать что-либо уже не в силах?

Нет. Мы все совершенно способны. Возможно, что мы острее других переживаем экстренное прощание с иллюзиями. От этого болезненность сегодняшнего состояния. Мы в очередной раз оказались к чему-то не готовы. Мы были весьма молоды, когда разворачивалась перестройка, мы были все еще молоды, крепки и энергичны, когда наступила кульминация этих экзотических времен. Как многие, познакомившиеся со сладким, мы очень болезненно расставались с этим предметом. У нас перрон, где поезд просвистал только что. Мне очень жаль. Дело не в несостоятельности, а в человеческом факторе. Дарование, какая-то потенция — это все есть, я полагаю, в индивидуальном режиме, у каждого, у кого это хоть сколько-нибудь генетически было. Это состояние. Мы же очень человеческая, гуманитарная, мягкая и разнежившаяся часть населения. По нашим беззащитным лицам нанесен

очень крепкий удар. И, черт подери, пока еще ветер крепчает. Я знаю очень многих ударенных. У нас, безусловно, есть триумфаторы — актеры, писатели, кинодеятели. У них все хорошо, и я очень за них рада. Но тонкие люди держатся за сердце и стоят на краю перрона.

Странно. Ведь за двенадцать лет российской демократии вы же могли адаптироваться. А получается, что именно сейчас вы чувствуете себя предельно неуверенно.

Особенно последние три-четыре года. Предыдущие семь-восемь лет были достаточно обольстительны. К вопросу об уверенности и неуверенности. Некоторые, вернувшись из Соединенных Штатов, с успехом работают на хороших каналах с хорошими авторскими передачами. Это тоже дань, прошу прощения, неуверенности в себе, а не уверенности. Это как позвать в мужья предыдущего мужа. Это неправильно, абиологично. С моей точки зрения.

Что, на ваш взгляд, происходит сейчас с языком?

Общие процессы всем известны. Мы в очередной раз плаваем в каком-то небытие. Недавно в одном месте в одно время я увидела вереницу своих литературных сверстников, вполне успешных, и растроганно сказала: это небытие какое-то. Как на небесах. Душа так размякла — неприлично. Я неплохо себя чувствую в языке, потому что язык — это генетическое, хромосомное дело. Я питаюсь книжками и нахожу в них живые вещи. Открываю Умберто Эко и готова из глубины собственной печени выдать литературную премию переводчику, а автору — из другого куска печени, побольше.

Читаете ли вы современную отечественную литературу?

С большим напрягом. Я, знаете, на прилавках все книжки цупаю — на предмет излуче-

ния. Тактильность у меня довольно развита. И вот, бывалочи, возьмешь книжку с добросовестной московской или ленинградской фамилией в авторах. Полистаешь, полистаешь и в кошмаре закрываешь. Вот вам и вся тактильность. Пальцы-то с трудом, но открывают, а на нюх, на вкус — не могу в себя впустить. Что из здешнего могу читать? И такое, чтобы было в удовольствие? Боюсь, промажу я тут. Я очень переживаю собственным внутренним образом судьбы сверстников. И очень подпитываюсь этими легкими акунинскими строчками. Вижу всю реминисцентность, весь этот катехизис с цитированием, вижу, конечно, но, понимаете, мне сладко, хорошо. Я страшно взбадриваюсь, а я мало какими вещами взбадриваюсь.

А литература молодого поколения? Вдруг не попадалась вам в руки книга Ирины Денежкиной?

Попадалась, лежит у меня дома, и дочка моя ее освоила. Но любви с этим предметом у меня не будет. Она же, в сущности, калькирует западное. Может быть, они, эти детки, освоятся литературно, но на этой ступени — я не в восторге.

А молодая поэзия?

Прошлой весной мне попала в руки целая авоська этой поэзии. Я забрела в какое-то место, где проводили конкурс. И чтобы я ознобилась, мне выдали пять килограммов нынешних стихов. Все лучшее мы все достаточно давно и хорошо знаем. В этой авоське почему-то оказались и Бахыт Кинжеев, и Кирилов тоже, и Вера Павлова. И все равно они очень сильно превосходили тех, кого мы знаем чуть меньше, или тех, кто вытасчен из Интернета. За последние два года мне понравился вот еще Кирилл Медведев, блеснувший уже двумя книжками. Пишущий человек — он же кристаллен, он же страшно виден. И в таком, как Кирилл Медведев, — я увидела. Хотя я — за стихи немного другие. Но фигура его симпатична.

Вероника Долина: «По нашим беззащитным лицам нанесен очень крепкий удар. И, черт подери, пока еще ветер крепчает»